

Розин В.М.

История «космогуалов» (что это – личный миф, реальность, философско-художественный дискурс?)

Часть вторая. Космогуалы руководят эволюцией человечества

Аннотация: Одна из тем статьи – возможность синтеза науки и искусства. Обсуждая ее, автор выстраивает дискурс, совмещающий в себя научный и художественный жанры. Опираясь на современные философские, семиотические, психологические и биологические исследования, В.Розин в романной форме излагает концепцию космогуалов – космических пришельцев, питающихся психоизлучениями людей и давно уже направляющих их развитие и эволюцию. В первой части статьи рассказывается, каким образом автор романа Марк Вадимов узнал от информатора Черного о космогуалах и что они собой представляют. Появляется в рассказе и Виктор Зун, трагически погибший друг Вадимова. Заканчивается первая часть статьи комментарием В.Розина, обсуждающим реальность и существование космогуалов. Предлагаемая здесь вторая часть – это рассказ о том, каким образом космогуалы направляют развитие человечества. В комментариях автор обсуждает основания рассказанной им истории космогуалов и сравнивает их с основаниями построения космологических учений о вселенной. Понятно, что способ построения Розиным демонстрируемого дискурса был не совсем обычным. Он включал в себя как рациональные (философские и научные) соображения, так и художественные, как научные факты, так и фантазии. Скрепляли все эти разнородные элементы методологические соображения и творчество. В результате В.Розину удалось поставить несколько проблем: синтеза научного и художественного мышления, реальности и существования вымышленных феноменов (ведь все явления, даже очень реальные, сначала были когда-то и кем-то вымышлены), объяснения эволюции человечества. Кроме того, он реально построил научно-художественный дискурс, позволяющий обсуждать перечисленные проблемы.

Ключевые слова: Космогуалы, эволюция, реальность, психическая энергия, роман, наука, искусство, дискурс, переход, вселенная.

Review: One of the themes discussed by Rozin in his article is the possibility for the synthesis of art and science. Discussing this topic, the author creates the discourse that combines scientific and art genres. Relying on modern philosophical, semiotic, psychological and biological researches, Rozin establishes the concept of 'cosmogual' in a form of a novel. In his novel cosmoguals are aliens who feed on mental energy of humans and have long been guiding human development and evolution. The first part describes how the author of the novel Mark Vadimov has learnt about cosmoguals from the Black Communicant and what cosmoguals are. Victor Zun, Vadimov's friend who died tragically, also appears in the story. The first part of the article is ended with the commentary of Rozin regarding the reality and existence of cosmoguals. Quite obviously, the discourse made by Rozin is quite unusual. It involved both rational (philosophical and scientific) considerations and fictional methods such as scientific facts and fantasy. The author's methodology and creative work are what brings together all these diversified elements. As a result, Rozin has managed to touch upon a few important issues such as the synthesis of scientific and artistic thinking, reality and existence of fictional phenomena (in fact all phenomena, even very real, were originally thought up by someone), explanations of human evolution. In addition, Rozin has actually created a scientific and artistic discourse that allows to discuss these problems.

Keywords: Cosmoguals, evolution, reality, mental energy, novel, science, art, discourse, transfer, universe.

Открывая предыдущую часть статьи «История «космогуалов» (что это – личный миф, реальность, философско-художественный дискур?» [6], я писал, что меня как главного редактора журнала «Культура и искусство», интересует связь научного мышления с художественным. Для обсуждения этого вопроса я воспользовался собственным произведением [5], взяв из него и комментируя одну лишь линию романа – историю и перипетии космогуалов. Со слов одного из героев романа, Черного пересказывается история о вторжении на землю инопланетных существ – космогуалов, которые поработили людей и питаются их психоизлучениями, но одновременно, способствуют их развитию и творчеству. В первой части статьи «Как автор узнал о космогуалах?» рассказывалось, каким образом главный герой романа Марк Вадимов познакомился с Черным и его теорией. Продолжим.

У Вадимова не выходила из головы фантастическая теория Черного. Он вспомнил свои исследования египетских пирамид и феномена «Ка» (древние египтяне называли «Ка» вторую душу человека, которую по просьбе жрецов создавали боги; затем она вселялась в живописные и скульптурные изображение человека, заказавшего «Ка»). Безусловно, эти исследования были сугубо рациональные, но Марк после бесед с Черным увидел их под необычным углом зрения. А что если египтян направляли космогуалы, невольно подумал он. Что если таким образом они хотели получить от древних египтян максимум психоизлучений? Он посмеивался над собой, отбрасывая эти мысли как несуразные, но они почему-то снова и снова к нему возвращались. В конце концов, Марк перестал сопротивляться и сказал себе, ну ладно, пусть будет так: и доказать это невозможно, но и опровергнуть нельзя.

Прошло несколько месяцев, Вадимов возвращался из Дубны, где проходила конференция. За окном была осень, но в вагоне уже топили. Марка разморило, и он стал дремать. Начиная и все время прерывался какой-то сон. Наконец, Вадимов увидел себя, стоящим на краю гладкой детской горки. Он садится и едет вниз. Неожиданно горка кончается, внизу обрыв, и Вадимов начинает падать. Мелькают деревья, разноцветные листья, все сливается в пестрый ковер. Ковер постепенно темнеет, становится совершенно черным, и неожиданно Вадимов понимает, что он уже не на земле, а беззвучно, с огромной скоростью

летит в космическом пространстве. Марк мечтает, но его не удивляет, что он без скафандра и нормально дышит.

Огромный зал далекой планеты. Амфитеатром расположены сверкающие кабины. В одной из них Вадимов. Хотя говорят на незнакомом языке, он все понимает. На ярко освещенной сцене Виктор Зун, знакомый Марка несколько лет тому назад то ли погибший, то окончивший жизнь самоубийством. Голос Виктора в голове Вадимова звучит ровно, ясно, без эмоций.

– Перед вами последний информатор с планеты «Земля». Планета находится в секторе X10, отсюда примерно 2000 световых лет. За планетой ведется периодическое наблюдение в течение миллиона лет. Примерно 500 тысяч лет тому назад на планете возникла особая форма жизни; современные жители Земли называют ее социальной.

Социальная жизнь находится в симбиозе с биологической. Последнюю образуют сообщества эволюционировавших животных, называемых людьми. Социальную форму жизни определяют четыре основных процесса: симбиоз с биологической формой жизни, семиозис, социальные институты, воспроизводство деятельности и биологической формы жизни.

В своем развитии Земля прошла три основных этапа. На первом социальный организм только формировался. Необходимость синхронизировать развитие биологической и социальной форм жизни разрешается таким образом, что человеку «внушаются» представления о душах живых существ. Души, которых открывают люди и с которыми они общаются – это и есть самая ранняя форма симбиоза. Более поздняя и развитая форма симбиоза – представление о бессмертных богах. Уточняем, представление о душах и богах не прямое внушение, а естественный результат синхронного развития социальной и биологической форм жизни.

На втором этапе складывается еще одна форма жизни – индивидуально-личностная. Она представляет собой симбиоз жизни отдельного человека и социального организма. Присвоив социальные формы жизни, научившись действовать самостоятельно, человек приобретает новое существование: он становится личностью. Но возникает конфликт социальной и личностной форм жизни. Человеку кажется, что он может жить и действовать самостоятельно, руководствуясь только собственными желаниями и разумом. Конфликт

Художественная культура и творчество

частично разрешается за счет манифестации идеи совершенной личности, называемой Христом. Ориентация на Христа, как идеал человека позволяет синхронизировать социальную, биологическую и личностную формы жизни.

На третьем этапе синхронизация осуществляется другими способами: складывается наука, техника, идеология, искусство. Тем не менее, в XX столетии по земному исчислению нарастает не только конфликт трех основных форм жизни, но складывается сверхкритическая ситуация. Скорость развития социального организма на Земле скачком возрастает и принимает направление, угрожающее самой жизни. Именно поэтому информатор вынужден был срочно прервать наблюдение и вернуться, чтобы лично доложить ситуацию. Желания могут задать ему вопросы.

Вадимов слышит в своей голове вопрос.

– Известно, что по галактическому соглашению мы не имеем права вмешиваться в жизнь других планет. Только наблюдать. Но здесь присутствует представитель Земли. Допустимо ли это?

Вадимов вдруг понимает, что речь идет о нем.

– Все в порядке, – звучит ровный голос. Человек с Земли или достаточно развит, чтобы воздержаться от опрометчивых действий, или истолкует все происходящее как свой сон или фантазию. Откуда он знает подлинную реальность? Она неизвестна и нам. Возможно, все это нам сейчас только снится. Великое открытие прошлого века – обнаружение относительности подлинной реальности: по закону Кельвина любая реальность может быть истолкована и реально воспринята несколькими равноценными способами – как реально существующее, как виртуальная реальность, как сновидение, как фантазия, как произведение космического искусства и т.д.

Вадимов настолько удивился, что на миг отвлекся от происходящего. Но этого было достаточно, чтобы очнуться в вагоне электрички, уже подъезжающей к Москве.

Вечером уже в Москве Вадимову приснился еще один странный сон. Он едет на работу. Подойдя к двери своей лаборатории, видит Черного. Тот одет с иголки, что Вадимова удивляет. Черный заходит с Вадимовым в лабораторию как старый знакомый и сразу начинает говорить.

Из его взволнованного рассказа Вадимов понимает, что Черный узнал очень важный секрет космогуалов. Оказывается еще до по-

явления древних царств – Египта, Шумера, Индии, Китая, где-то 30-20 тыс. лет до н.э. космогуалы обнаружили, что они так воздействуют на генную систему людей, что человек начинает жить все дольше и дольше, некоторые люди доживали уже до 500-700 и более лет, зато появляются на свет люди все реже. По подсчетам космогуалов получалось так, что в будущем человек обретет бессмертие, но женщины практически перестанут рожать детей. Такой оборот событий космогуалов явно не устраивал, им нужен был прирост народонаселения, только так они могли постоянно увеличивать поток психоизлучений, которыми питались.

Тогда космогуалы изобретают что-то вроде ограничителя возраста, позволяющего людям жить в среднем не более 70-100 лет. Ограничитель представляет собой некую структуру сознания, внедряемую в психику детей в первые 5-7 лет. Эта структура ориентирует человека на свое эго и на объективацию. Другими словами, привязанность к своему Я и стремление познать объективное строение мира – ставит предел жизни человека на земле.

Чтобы избавиться от долгожителей космогуалы, зная тектонические законы, вызвали на земле всемирный потоп. В его водах погибло большинство долгожителей, остались лишь те, кто по разным причинам жили по сравнению с долгожителями мало, не более 50-70 лет. Эти люди, с подачи космогуалов, подобно Ною, услышали или воочию увидели во сне, весть о потопе и подготовились к нему. Временное сокращение населения на планете, конечно, ударило и по космогуалам, но они благополучно пережили резное падение плотности психоизлучений, поскольку, готовясь к потопу, накопили в течение нескольких тысячелетий значительные резервные запасы человеческих психоизлучений.

Из рассказа Черного Вадимов понял, что в конце первого тысячелетия до нашей эры появились два человека, вплотную приблизившихся к разгадке тайны космогуалов. На Востоке это был Будда, на Западе – Платон. Платон утверждал, что человек может стать бессмертным, если, во-первых, преодолет свой эгоизм, для этого он должен познать себя и совершенствоваться, во-вторых, если поймет, что нет вещей и объектов, а есть идеи. Но Платон не смог сделать последнего шага – разобъективировать сами идеи.

Будда пошел другим путем, он вообще отказался играть по правилам, которые космо-

гуалы навязали людям. Его открытие Нирванны представляло собой способ обретения бессмертия при условии, что сама жизнь переставала быть ценностью. Человеку становилось безразлично абсолютно все. Состояние Нирванны выводило человека из под власти космогуалов, как впрочем, и самого бытия.

В следующей фазе сна Марк пережил необычайный подъем духа. Теперь он знал, как стать бессмертным. Оказывается, Вадимов уже давно шел к бессмертию. Разве он не работал над собой, стараясь преодолеть свой эгоизм, разве Марк всю сознательную профессиональную жизнь не боролся с объективизмом, показывая, что не существует раз и навсегда устроенного мира. Всякий объект – это всего лишь объективация нашей активности. Мы приписываем миру то строение, которое отвечает активности, а та, в свою очередь обусловлена историческим временем и культурой.

Неожиданно сюжет сна изменился. Вадимов идет к Зуну по заснеженному полю. Довольно холодно. Холодно и Зуну, он сидит, ссутулившись, обхватив себя руками. От всей фигуры Зун исходит печаль. Марк вдруг остро начинает понимать, как Зун одинок. Поверх этой мысли всплывает вопрос: как же так, ведь Зун бессмертен, но он несчастен. Вадимов подходит к Зуну, трогает его рукой за плечо. От его прикосновения Зун рассыпается в прах. Пепел Зун медленно летит по морозному воздуху и плавно оседает на белом снегу. Вадимов в оцепенении смотрит на слегка почерневший снег. Сюжет сна опять меняется.

Вадимов в своей московской квартире. В ослепительном прозрении он понимает, что последнее препятствие на его пути к бессмертию – это само желание стать бессмертным. Именно эта идея фикс не позволяет ему освободиться от ограничителя возраста. Нужно отбросить желание вечной жизни, подавить его, лихорадочно думает Вадимов. Но тут же, во сне он ловит себя на противоречии. На пути к бессмертию стоит желание бессмертия, но если отказаться от этого желания, зачем тогда жить вечно? Вадимов изо всех сил пытается разобраться, преодолеть этот парадокс и... просыпается.

Странно, думает Вадимов, удерживая, чтобы не забыть приснившийся и такой интересный сон. На самом деле я никогда не стремился жить вечно. Скорее я боялся смерти, не хотел умирать, но жить всегда... Достаточно было немного подумать на тему вечной жизни,

как становилось понятно – то пустая мечта. Обычный человек не смог бы жить не только вечно, но и первую тысячу лет. Все будут умирать, а он нет, по сути, останется один. Один со своей памятью, с горькими воспоминаниями об ушедших близких людях, без надежды, что когда-нибудь наступит покой.

А если он будет постоянно обновляться, чтобы адаптироваться к быстро текущему времени, то ему придется отбросить все свои воспоминания, вновь и вновь отказываться от себя, вечно с собой расправляться. Иначе говоря, умертвлять свою душу. Но тогда зачем все это? Стоит ли овчинка выделки? – подумал Вадимов.

К тому же идея вечной жизни – идея эгоистическая. Я спасаюсь, а мои близкие и любимые, а другие люди? Тогда, рассуждал Вадимов, вопрос в другом – как не бояться смерти, как ее достойно встретить. Мы не боимся смерти по двум основным причинам: или не успели себя реализовать, или не можем помыслить свое полное исчезновение.

В первом случае понятно, что делать, нужно сознательно включать идею смерти в свою жизнь, исходить из того, что жизнь конечна, и поэтому ее нужно планировать. А так как мы не знаем заранее, когда наша жизнь оборвется, то нужно стараться каждый свой день жить полноценно, в идеале на пределе своих сил и возможностей. А что делать во втором случае?

Почему, задал себе вопрос Вадимов, мы не можем принять идею своего исчезновения как естественный ход событий. Скажем, сейчас за окном идет снег, он белый, а ворона на старой березе черная. Все это не хорошо и не плохо. Так есть. Почему мы и собственную смерть не можем воспринять в естественной модальности – так есть, боги бессмертны, а люди смертны.

Что значит для человека помыслить свое исчезновение навсегда? – рассуждал дальше Вадимов. Не осознавать ничего, не присутствовать в мире, не общаться ни с кем, ничего не переживать, не, не, не. Но ведь когда мы спим, мы тоже не, не, не. Ничего подобного, – возразил себе Вадимов. Сплю я не вечно, а от силы 10-12 часов в сутки. К тому же сон мы воспринимаем как очищение, восстановление, а не как исчезновение. Интересно, что многие люди как бы вычеркивают сон из бытия, соединяя непрерывной линией только разорванные периоды бодрствования.

В отличие от сна смерть – это так сказать отрицательное бытие, именно не, не, не, при

Художественная культура и творчество

том, что я есть. Хотя я существую, но я не осознаю, не чувствую, не переживаю, не действую. Однако, что значит, я есть, причем вечно, где я существую? В моем воображении, в знании, – вынужден был признать Вадимов. В знании и воображении мы живем вечно, а реально очень малый срок. Но что значит реально? Кто знает сколько я еще проживу – пять лет, десять, сто или вечно? Опять, это всего лишь знание, коллективный опыт людей к которому я почему то присоединяюсь. Могу и не присоединяться. Или не могу?

Но если присоединяюсь, если принимаю силлогизм «люди смертны, Сократ человек, следовательно, Сократ смертен», то должен понимать, что когда я умру, то меня не будет и, следовательно, мое бытие ни в положительной ни в отрицательной форме существовать не может. Не будет меня в будущем никаким образом, поэтому и бояться нечего. Но будут, сказал себе Вадимов, мои близкие, другие люди, человечество. И мне, живущему здесь и сейчас не безразлично, как они будут жить. Если я человек, то должен быть проникнут заботой о качестве будущей жизни.

Страх перед смертью, перед исчезновением, продолжал думать Вадимов, это ловушка нашего сознания. Привыкнув жить в знании и воображении, которые вневременны, мы продолжаем жить и тогда, когда нас уже нет. Это парадокс, но закономерный, обусловленный семиотической природой человеческого сознания. Вырваться из этого капкана – не просто, если невозможно вообще. Цена освобождения – отказ от личности. Да, я могу реально жить вечно, если поверю, что есть Бог, как вечная жизнь и любовь, и я после смерти с ним сольюсь. То есть откажусь от себя, от своей личности. Слившись с Богом, сорастворяясь в нем, я не смогу уже сохранить свое я. Или все же смогу? Однако, сказал Вадимов, в Бога я не верю.

Но если для меня после смерти бытия нет, то к чему тогда готовиться? Что значит достойно встретить смерть? – спросил себя Вадимов. Не означает ли это продумать и пережить свою жизнь и смерть и, главное, перевести отношение к смерти в план реальных дел. Но есть ли большая разница между окончанием жизни и любым ее моментом? Не меньше ли чем подготовка к смерти необходимо мужество, чтобы достойно выдерживать обычную жизнь с ее уклонением от задуманного, с мечтами и идеалами, которые не осуществились. К тому же понимая и зная, что происходит в мире и с

миром, или значительно ближе в твоей семье. Разве меньше нужно мужества, чтобы не впасть в отчаяние, верить, выполнять свой долг, идти своим путем. Ради чего? Ну хотя бы, ради себя, близких, других людей.

Страх перед смертью, еще раз уточнил Вадимов, это попытка продлить жизнь за ее пределами, попытка, парализующая саму жизнь, сокращающая ее. Да, но жалко расставаться с мечтой, подумал Вадимов. Мечта так сладка. И сам себе ответил: жалко, нет, не жалко. Лучше полноценно жить здесь, быть «бессмертным» в жизни, чем не жить, а только готовиться к вечной жизни, которая, вероятнее всего, никогда не наступит. Свободный человек и свободный дух живут везде, где захотят. Они залетают на многие десятилетия в будущее или отправляются в далекое прошлое. Общаются с существами с других планет, отделенных от нас тысячами световых лет, или плачут по поводу детской сказки. Конечно, все это происходит в мысли, в воображении, но не такова ли вообще жизнь?

Когда, подумал Вадимов, я обнимаю и целую свою жену Наташу, в моем воображении и мысли встают мадонны и прекрасные женщины мирового искусства, я переживаю родственность, легко переношусь в прошлое, когда Наташа была еще совсем юной. Где это все существует? В знании и в воображении, но и во мне, в моих ощущениях, ладонях и губах. Так и в духовной жизни. Где я общаюсь с Платоном или Аристотелем, как посещаю будущее или другие планеты, каким образом сливаюсь со вселенной? Все это совершается в знании и воображении и в реальной духовной жизни. Это и есть практическое бессмертие, но именно Здесь. И эта жизнь вечная, если не только ради меня, но и ради моих близких, других людей, ради будущего и прошлого. Да, и прошлого, без которого нет будущего.

Примерно через пол года снова появился Черный! Он опять сильно изменился, Вадимов не мог понять, что с ним произошло, но явно перед ним стоял другой человек, пожалуй, более спокойный и уверенный в себе.

– Проходите, Евгений Александрович, рад Вас видеть, – сказал Марк, проводя Черного в комнату. – Где Вы пропадали, и как поживают космогалы?

Черный сразу принял игру и ответил.

– Они передавали Вам привет и сказали, что на днях навестят. Так что ждите гостей.

Заварив кофе, Вадимов стал с интересом слушать Черного, и сам рассказал ему над чем сейчас работает. Особенно Черного заинтересовали фигуры основателей методологии.

– Знаете, Марк, – сказал он, – я сильно продвинулся в языке космогуалов и подобрался к их главному центру связи. Могу теперь точно подтвердить то, о чем я раньше только догадывался. Космогуалы персонально пасут некоторых людей, например, таких как названные вами философы Щедровицкий или Зиновьев, да и Вас, думаю, не забывают, не отпирайтесь. Вы обладаете настолько мощным интеллектом, что представляете для космогуалов лакомый кусочек. Мышление и воображение больших ученых, писателей, артистов, политиков это для космогуалов, особенно мышленов (помните я говорил о трех расах космогуалов) – сильный и привлекательный источник психической энергии. Подключаясь к таким источникам, космогуалы не только восполняют свои силы, но и получают своеобразное эстетическое наслаждение. Подобно тому, как нам не все равно, что вкушать и в какой обстановке, так и космогуалам.

Я понял, продолжал Черный, что к ярким и талантливым личностям еще в детстве прикрепляются мышлены-наставники, которые не только питаются выделяемыми психоизлучениями, но и направляют развитие этих выдающихся людей в нужном для космогуалов направлении. Я уверен, что ангелы хранители, о которых говорит церковь – это и есть мышлены-наставники. Помните у Лермонтова:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел...
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой...

Ангелы-хранители (подобно личным святым) выполняют крайне любопытные функции: с одной стороны, они являются проводниками воли Бога (а я уверен – воли космогуалов), передавая человеческому разуму божественные предначертания, его дух; с другой – это своеобразная средневековая фигура рефлексии. Действительно, ангел-хранитель может сознать все поступки человека (видит его насквозь), причем это не просто бездумное отражение деятельности человека (как в зеркале), а божественное, разумное ви-

дение, работающее на развитие человека как духовного существа.

Когда же эти своеобразные доноры космогуалов умирают, мышлены срочно ищут себе других или же поддерживают у последователей и друзей усопших мысли и переживания по поводу их кумиров. В мире людей создаются школы, возникают легенды, пишутся книги и воспоминания, живые общаются с мертвыми, и на всей этой вкусной почве психоизлучений процветают мышлены.

– Евгений Александрович, – задал вопрос Вадимов, – но почему космогуалы допускают свое разоблачение? Вот ведь, например, Зиновьев уже говорит о мировом заговоре и близко подошел к мысли о чем-то или о ком-то вроде космогуалов. Да и я ведь уже готов, конечно, с вашего согласия, сообщить о космогуалах публично, пусть хотя бы в форме предположения или, например, в жанре философского романа, мне тут пришла в голову идея – написать такой роман; на самом деле, я даже его пишу.

– Не нужно этого делать, – забеспокоился Черный. – Не буду делать вид – конечно, я их боюсь, но не это главное. Сейчас я регулярно прослушиваю космогуалов, держу, так сказать, руку на пульсе, но трудно сказать, как они прореагируют, если узнают о том, что их инкогнито раскрыто. А по поводу, как Вы говорите, собственного разоблачения, то у меня постепенно складывается впечатление, что они это делают сознательно. Для какой цели? Мне кажется, что так космогуалы нас изучают. Смотрят, как мы реагируем на мысль о том, что есть кто-то, направляющий человечество – ну там Бог, Высший разум, НЛО, наконец, космогуалы.

Пришла Наташа. Марк проводил Черного до метро, и вернувшись, пересказал жене добытую Черным информацию. Вспомнили, как познакомились с Черным, и все его странные идеи. Вадимов уже давно перестал размышлять о том, существуют ли на самом деле космогуалы. С точки зрения разума, знания о космогуалах выглядели всего лишь как одна из современных эзотерических версий мировых событий. Вадимов принимал игру в космогуалов, все больше проникаясь логикой их жизни, и уже не замечал ничего странного. Он как бы сроднился с миром космогуалов и часто ловил себя на ощущении реальности их существования.

Через пару недель Марк увидел двухчастный сон. Как бы выполняя обещание, вестни-

Художественная культура и творчество

ком которого явился Черный, к нему в гости пришли космогуалы. Вадимов обращался к неопределенному существу, темный образ которого колебался перед ним. Космогуалы объяснили Вадимову, что сделали его орудием исследования общественного сознания людей. Что они не возражают, если Вадимов расскажет о космогуалах все.

– Неужели вы не боитесь? – спросил Вадимов темное существо. – Ведь люди могут отказать вам подчиниться.

– Но как, – дошли до Марка не слова, а скорее мыслеформы, посланные существом, – люди смогут от нас освободиться? Где мы, что мы? Мы фантомы, мы ваши мысли и образы, от нас, как шутят гении, можно освободиться только вместе с головой. Мы ваши сновидения, фантазии и психозы. Мы сопровождаем вас и ночью и днем. Не вы ли сами Вадимов в своей теории сновидений доказывали, что даже днем, бодрствуя, человек часто спит наяву, досматривает свои сны. А в любом сне присутствуем мы, космогуалы, глубинные процессы ваших мыслей направляют мышлены, а общественную деятельность – социны. Мы везде и нигде. Не бойтесь, Вадимов, рассказывайте о нас. Мало ли мыслителей сошло с ума, мало ли сегодня фантазий, похожих на правду. Люди давно уже потеряли ориентировку во всех этих реальностях. Но они слушают, возбуждаются, реагируют – именно это нам и надо. Для разных целей. Кстати, и для безопасности вас самих.

Еще темное существо объяснило Вадимову, что два государства – Россия и США выбраны как полигон для наиболее интенсивных испытаний. Здесь космогуалы за последнее столетие осуществили все свои основные крупные проекты. Одним из последних как раз является проект, который Вадимов весьма удачно назвал «разоблачением». Его суть в незаметном внушении идей и концепций, предвещающих пришествие космогуалов, но конечно, вестники космогуалов опознают их в превращенной форме. Космогуалы указали Вадимову даже последнее место, где они проводили испытание проекта «разоблачение» – это был XX Всемирный философский конгресс в Бостоне, проходивший в 1998 году.

Неожиданно темное существо начало уходить куда-то в бок и вдруг растаяло, а перед Вадимовым стоял вполне живой Виктор Зун. Марк вспомнил, что видел его последний раз во сне, в поле, прикоснулся к нему, и Зун на глазах рассыпался в прах. Но сейчас они про-

должали разговор, который (это Марк знал) длился уже давно.

– Я помню, – говорил Вадимов, – что тебе удалось вернуться в нашу реальность, и ты можешь теперь свободно переходить из одного мира в другие.

– Да, – ответил Зун, – сейчас я здесь, но могу вернуться назад, в тот мир, где я оказался после смерти. Впрочем, для меня теперь все реальности подлинны, и одновременно нигде бы я не хотел оставаться долго.

– А нельзя ли, – спросил Вадимов, правда, совершенно не веривший в физическое бессмертие, – связаться с Щедровицким или Мамардашвили?

– Почему нет, – сказал Зун, – но не уверен, что общение с ними будет для тебя приятным занятием. Дело в том, что в том мире люди зависят от живых, от их отношения к умершим. Если вы помните об ушедших, думаете о них, обсуждаете их поступки и идеи, то жизнь людей в том мире продолжается. Да, ты правильно понял, в том мире жизнь идет не сама по себе, она зависит от направления и содержания вашего внимания.

– А если о человеке совершенно забыли и никогда не вспоминают? – спросил Вадимов.

– Тогда человек в том мире находится как бы анабиозе, своеобразном сне, до тех пор пока его не коснутся чьи-то воспоминания или мысли. А Щедровицкого я уже встречал, был с ним хорошо знаком. Но он сильно изменился, ты бы его, вероятно, не узнал.

Может быть, потому он так изменился, мелькнуло в голове Вадимова, что последователи Щедровицкого думают о нем не так, как учителю хотелось бы?

Как бы подтверждая догадку Вадимова, Виктор продолжал.

– Мне показалось, что Щедровицкий был недоволен своим существованием. Он говорил мне, что его не понимают, а идеи извращаются, и лично ты, Марк, ведешь против него чуть ли не подрывную работу. Щедровицкий при этом говорил про какой-то 25 кадр, но я не понял, о чем идет речь. Меня, говорил Щедровицкий, уносит во времени не туда, куда я иду. Зун пояснил для Вадимова, что именно так ощущают свою жизнь люди того мира: им кажется, что их несет река времени. Когда живущие думают о них правильно и интенсивно, течение времени несет их туда, куда они устремляются сами. В противном случае они испытывают страдания, удаляясь от выделенных миров и событий.

– Виктор, – попросил Вадимов, – попробуй встретиться с Щедровицким и передай ему от меня это послание. Вадимов взял с письменного стола запечатанный конверт и протянул его Зуну.

Когда Марк проснулся, он долго пытался сообразить, что именно он написал в послании. Засмеявшись, Вадимов встал и пошел делать зарядку. Но весь день сохранялось ощущение, что он послал письмо своему учителю, и тот ему обязательно ответит. На следующий день в институте Вадимов встретил свою приятельницу Наташу Автонолову, которая всегда с интересом слушала его рассказы о космогулах. Последний сон ее просто поразил. Дело в том, что Наташа, в отличие от Марка ездила на конгресс в Бостон и выступала там с большим докладом.

– Ты знаешь, – сказала она с некоторым удивлением, – я тут составила для статьи в «Вопросы философии» неполный список российских докладов, тезисы которых были опубликованы в материалах конгресса. И знаешь, что меня удивило? От названий основных российских докладов веет каким-то неземным, космическим духом. Теперь после твоего рассказа, я бы сказала – духом космогулов.

Наташа достала из сумки несколько листов бумаги, поискала и стала читать названия докладов и сообщений.

– «Нелинейная пульсирующая эволюция», «Синергичность, понимаемая как «соэнергичность имманентных и трансцендентальных потенциалов личности», «Качественно новая концепция человека, основанная на «планетано-космическом феномене пульсирующего бессмертия личности» и являющая «теоретическую мощь русской школы космизма», «Новая глобальная концепция творчества», «Идеи холизма в масштабе планетарных взаимосвязей», «История первых лет советской власти в свете идей Апокалипсиса», «Концепция вакуумной пульсирующей метареальности», «Понятие дневного и ночного сознания как главных форм человеческого познания мира», «Новые идеи космологии, построенной на идее соотношения реального мира (он реализуется в гравитационном поле и изучается теоретической физикой) и трансцендентального мира (непреходящего и безэнергичного)», «Духовная сущность философии, направленной, начиная с античности, на подготовку Христа, а затем – на постижение действий Бога в мире», «Опасности смены биосферного человека «пост-человеком».

Вадимов согласился. – Да, действительно, похоже на мысли, внушенные космогулами. – Про себя же он, вдруг, подумал о 25 кадре, который упоминал Зун. Где-то он читал об этом, причем именно в связи с Щедровицким. Но только к вечеру Марк вспомнил, где он об этом читал. Речь шла о реакции на его методологическую программу, относительно недавно опубликованную в журнале «Вопросы методологии». Тогда редакция поместила в начале статьи Вадимова врезку, обведенную рамочкой. Дома Вадимов нашел статью и перечел врезку. «Колебания относительно публикации статьи, – писал аноним, – вызвана не тем, что редакция не разделяет ни точки зрения автора, ни способов аргументации, а тем, что автор, скорее всего бессознательно, использует хорошо известный прием – т.н. «двадцать пятый кадр»: наряду с суждениями, предъявляемыми с открытым забралом, автор использует словосочетания двойной модальной отнесенности, создавая «закадровые» коннотации, неявный подтекстовый смысл, что в принципе не характерно для текстопорождения методологического типа».

Вадимов прекрасно помнил, как он изумился странной фантазии, посетившей анонимного автора. Но сейчас в его голове развернулся целый веер предположений. Может быть, это Щедровицкий с того света внушил анониму этот злосчастный 25 кадр. Но возможно, ему это внушили космогулы. Однако может быть, забытая врезка спровоцировала у Вадимова подобный сюжет сновидений. Наконец, не исключено, что все это тонкая игра мышленов, так же как, впрочем, космогулы – игра больного воображения Черного и богатой фантазии самого Вадимова. Вадимов понимал, что лучше всего подвесить все эти версии, чем прямолинейно пытаться нащупать единственно правильную реальность. Подлинная реальность, подумал Вадимов, вероятно, в том, чтобы можно было найти место всем этим версиям, имея возможность игры на этом поле и не теряя реальную почву под ногами в плане практической жизни.

В воскресенье днем, как всегда неожиданно, пришел Черный. Вадимов почти не удивился, когда он завел разговор о Щедровицком. Было ощущение, что Черный, а возможно, подумал Вадимов, космогулы, подслушали мысли Марка. Черный настолько вжился в мир космогулов, что часто забывал разъяснять, о каких очередных персонажах, идет речь. Вот и

сейчас он стал говорить о власти схематозойдов и их борьбе с мышленами.

– Евгений Александрович, – взмолился Марк, – подождите, скажите, кто такие схематозойды.

– Извините, ради бога, Марк, – остановился Черный. – Я и сам узнал о них не так давно. Помните, я говорил, что космогуалы делятся на три расы. Одна – это семиозы, для людей они выглядят просто как знаки; вторая – социны, соответственно, для людей – это социальные институты; третья раса – мышлены, для людей, просто мышление. Но как я выяснил относительно недавно, из семиозов постепенно вышла еще одна раса – схематозойдов. Собственно, сначала – это были семиозы, специализировавшиеся на подготовке сознания людей, которых предназначали быть новаторами, творцами нового. Одними из первых были Салон, Сократ и Парменид, затем Платон, Аристотель, Александр Македонский, далее, пошло-поехало.

– Но зачем, – спросил Вадимов, – нужно было готовить новаторов?

– Как зачем, – с некоторым изумлением воскликнул Черный. – Разве Вы, Марк, забыли, что именно от творцов космогуалы получают максимум психической энергии, которой они питаются. Но условием творчества является новое видение мира. Поэтому ряд семиозов были снаряжены подготавливать сознание новаторов, так сказать, взрыхлять почву сознания, чтобы в ней лучше проросли семена нового. Но этим семиозам, которые позднее стали называть себя “схематозойды”, для успешного выполнения поставленной им задачи пришлось координировать действие всех остальных трех рас, ведь для создания нового, творцы должны были по-новому мыслить, а это в свою очередь, невозможно без поддержки определенных социальных институтов.

– Хотите, Евгений Александрович, – я скажу, что произошло дальше? Как Вы там их называете, схематозойды (чуть было не сказал, сперматозойды), воспользовавшись знанием, вошли в доверие к социнам и мышленам, стали захватывать власть в империи космогуалов, реально ее захватили, и затем объявили себя новой, высшей расой. Разве, не так?

Черный прямо онемел от изумления. Придя в себя, он упавшим голосом спросил: откуда Вы знаете, или схематозойды... – он замолчал, со страхом глядя на Вадимова.

– Ну, что Вы, успокойтесь, я вовсе не лазутчик схематозойдов, – заверил Марк своего со-

беседника. Просто Вы пересказываете на языке космогуалов историю захвата в 20-х годах власти Иосифом Сталиным. Он тоже сначала создал просто институт секретарей партийной власти, в функцию которого входили подготовка решений и поддержание связи между всеми подсистемами государства и партии. Но затем, воспользовавшись уникальной информацией и ролью инфраструктурного, сетевого посредника, Сталин со товарищи-секретари, подчинявшиеся ему лично, стали захватывать власть, ну а захватив, для идеологического оправдания своевластия, сиречь деспотии, объявили себя мозгом партии, кормчим советского народа.

– Да, что-то похоже, – пробормотал еще не совсем пришедший в себя Черный. – Но в данном случае речь шла о перепрограммировании семиозов, социнов и мышленов. Помните, я говорил, что космогуалы – это сложные программы психической энергии. Так вот, захват власти схематозойдов потребовал реального перепрограммирования космогуалов. Для этого, кстати, семиозам, которые готовили творцов, самим пришлось перестраиваться, перепрограммироваться. Делали они это на основе особых изобретенных ими метапрограмм, которые для людей выглядели как схемы. Отсюда, я думаю, и самоназвание – схематозойды. Но в процессе перепрограммирования часть семиозов, действительно, превратилась в новую расу.

Однако я понял, что не все космогуалы признают власть схематозойдов. Именно сейчас развернулся очередной этап борьбы за власть в империи космогуалов. Одновременно снова встал вопрос о новаторах и социальных изменениях. Космогуалы поняли, что творчество и непрерывные социальные изменения не только дают все увеличивающийся поток психической энергии, но и грозят обрушить все здание жизни на Земле. Чтобы спасти положение, космогуалы готовы даже выйти из подполья, наладить диалог с людьми, поскольку они поняли, что это – единственный шанс восстановления пошатнувшейся жизни социального организма.

Одновременно, они понимают, что выход из подполья нужно подготовить, иначе у людей будет грандиозный шок и неизвестно, как они себя поведут. Именно для этой цели на земле были отобраны ряд людей, которые выступают от имени космогуалов, в какой форме они объявят об этом – другой вопрос. Я точно знаю, подслушал, что от имени мышле-

нов должен был говорить Щедровицкий, но он умер, а кто вместо него – не знаю. Может быть, Вы, Марк?

Вадимов вежливо улыбнулся Черному, оставляя на его интуицию свой ответ. Несмотря на предельную фантастичность происходящего, он не мог не отметить логичность всех построений Черного. Если принять, что символические миры имеют право на существование, то мир Черного был ничем не хуже остальных.

Проводив Черного, Марк вышел на станции “Измайловская” и пошел через парк до следующей остановки метро. Его мысль все время возвращалась к тексту доклада одного из известных методологов Сергея Священникова, а точнее к одному тезису, в котором утверждалось, что отдельный человек мыслить не может, но он может дорастить себя до мыслящей инстанции, вот тогда и получит право мыслить, поскольку будет действовать не от себя лично, а от авторитетного действенного социального института.

Конечно, думал Вадимов, этот тезис можно списать на счет подхода Сергея, ведь его интересуют общественные преобразования. Да, чтобы изменять общество, личности недостаточно, нужен авторитетный социальный институт, дисциплинарий должен действовать от его лица. Поэтому и мыслить он должен институционально.

Но может быть, продолжал размышлять Вадимов, любой мыслитель, а не только социальный реформатор должен дорасти до мыслящей инстанции, чтобы мыслить? Скажем, Платон и Аристотель просто мыслили, или представляли собой мыслящие инстанции? А Декарт или Кант, или Щедровицкий? Но разве, не я сам, подумал Марк, показываю в своих работах, что Платон и Аристотель были настоящие социальные реформаторы, что, например, идея правил мышления была введена Аристотелем по аналогии с новыми законами, только нормировали не поведение в быту, а рассуждения. Что мышление, как его сформировали Платон и особенно Аристотель, представляло собой настоящий социальный институт.

Получается, что прав Священников, что настоящий мыслитель – это всегда в той или иной мере социальный реформатор. Да, но в истории мышления известны тысячи случаев, когда социальное значение мыслителей осознавалось задним числом, после их смерти. Последние примеры – Бахтин, Выготский,

Мамардашвили, да и Щедровицкий. Мода на этих мыслителей, увлечение их идеями, реальное влияние на другие умы возникли значительно позднее, а не тогда, когда они жили и создавали свои произведения. Так что же, они не мыслили при жизни?

Если рассуждать как Сергей, то Бахтин при жизни не мыслил, но начал интенсивно мыслить, где-то начиная с середины 60-х годов, и далее мыслил все активнее и активнее. Затем, конец 80-х – 90-е годы интенсивность его мысли падает. Парадокс. Бахтина давно уже нет в живых, а его мысль то расцветает, то теряет свою силу, то есть живет сама по себе, без своего творца. Здесь, подумал Вадимов, обозначается важная проблема. Что такое мышление: моя личная мысль и работа или влияние, которые они оказывают на других? Да, я могу напрягаться сверх меры, открывать фантастические миры, городить монбланы знаний, но при этом все это не будет оказывать влияние на других, или потому, что непонятно, или неинтересно, или незначимо, мало ли почему. Но вдруг, опять по разным причинам, мои построения стали интересны, причем неважно когда, при моей жизни, сразу после смерти или через тысячу лет. Когда же я мыслил и что такое мысль? Может быть, мысль – это такое образование, которое обязательно вызывает ответную мысль, согласие или несогласие, стимулирует новую мысль и т. д.

Марк вспомнил свое исследование творчества Галилея, относящееся к середине 80-х годов. В этой работе он пытался понять, почему построения Галилея оказали такое влияние на современников, но больше на следующие поколения. Оказалось, с одной стороны, потому, что Галилей принял установку на изучение природы и практическое использование ее сил в технике, установку, ставшую центральной для Нового времени; Священников сказал бы, что Галилей угадал мыслящую инстанцию. С другой стороны, потому, что, решая мыслящие задачи, Галилей упорно отстаивал свои представления, ни разу не изменил себе, то есть, сегодня мы бы сказали, реализовал в мышлении свою личность. С третьей стороны, потому, что при этом Галилей придумал ряд совершенно новых ходов мысли.

Но если бы эти ходы мысли и реализация личности не работали на вызовы времени, не служили бы “настоятельной социальной потребности”, как выразился однажды Фуко, не выступили бы инструментом новых

Художественная культура и творчество

институтов, то их нельзя было бы считать мышлением. И наоборот, мыслительная инстанция не может состояться без изобретения новых ходов мысли, и как необходимое их условие, реализации личности мыслителя. Однако вопрос, всегда интересовавший Вадимова, – мог ли сам Галилей все это знать, то есть была ли у него гарантия того, мыслит он правильно или нет.

Например, Щедровицкий всегда был уверен, что уж он то мыслит правильно, что его мысль – настоящая, в отличие от многих других. Марк, вспомнил, как где-то в конце 60-х, после доклада Вадимова и негативной реакции на него слушателей в Институте философии, Щедровицкий говорил: “И они называют себя философами. Не могут помыслить два простых шага. Твое мышление для них недостижимо. Они просто не знают, что значит мыслить”. Вадимов помнил, что тогда ему была приятна такая оценка его мышления. Но сегодня он так не думал.

Даны ли самому мыслителю критерии правильности его мышления, помимо априорной убежденности. Ведь и сумасшедший уверен, что он гений. Часто кажется, что такие критерии дает сообщество. Действительно, в Московском методологическом кружке, откуда Вадимов вышел, царил атмосфера творчества и уверенности в том, что они совместно, в коллективной мыследеятельности совершают прорыв в будущее, что разум простер над кружком свои сверкающие крылья. Однако, опыт изучения эзотерических сообществ, подействовал на Марка отрезвляюще: каждый эзотерик и окружающие его ученики были уверены, что открыли подлинный мир, но этот мир для других эзотериков и мирян, как правило, оказывался неприемлемым.

Комментарии автора (Розина Вадима)

Серьезный ученый старой формации, взглянув в наш журнал, может сказать: «ну что за болезненные фантазии у главного редактора; на самом деле никаких космогалов не существует в природе; надо опираться на твердые рациональные основания и факты». В ответ я бы ответил следующее. Что значит факты? Известно, что факты концептуально нагружены, мы их выделяем и организуем под нашу теорию. Поэтому у одних исследователей одни факты, а у других – другие. Теперь по поводу твердых рациональных оснований. Не скрываются ли за ними почти всегда ав-

торские убеждения на уровне веры? Вот, например, поразительные размышления много пережившего и выстрадавшего авторитетного ученого и философа А.Ф. Лосева (их в свое время записал Владимир Бибахин) [2].

«Это меня поражало. И так я прожил свою жизнь и не смог и не могу понять. И так и знаю точно – не могу понять. В конце концов, все приходит к вопросу о добре и зле. Бог творец, всемогущий – а здесь что творится? Разве не может он одним движением мизинца устранить все это безобразие? Может. Почему не хочет? Тайна... Отпали ангелы. Дьявол, отпавший ангел – все признает, кроме абсолютного бытия Бога. Неужели Бог не мог бы привести его в такое состояние, чтобы он не делал зла? Ха-ха! А почему Бог этого не делает? Тайна.

А верующий тот, кто эту тайну прозрел. Другие – дескать, э, никакого Бога нету. Это рационализм, и дурачество... А вера начинается тогда, когда Бог – распят. Бог – распят! Когда начинаешь это пытаться понимать, видишь: это тайна. И древние и новые, конечно, эту тайну знали. Аристотель наивно: в одном месте “Метафизики” говорит так, в другом иначе. И там, и здесь все правильно. Но если ты скажешь: как же это так, там у вас абсолютный ум, перводвижитель, который всем управляет, а тут черт знает что творится? Как клоп, будет убежать от пальца. А был бы верующий, сказал бы: это – тайна. Поэтому я не хотел делать абсолюта из “Метафизики”. Они же знают и зло! Так неужели им не приходит в голову спросить, что творится: вечный перводвижитель, и с другой стороны – это безобразие? Как же так? Вот если бы они этот вопрос задали и сказали: это тайна, тогда они бы стали верующими.

Говорят: крестись, твоя болезнь пройдет. Вздор! Наоборот, тот, кто крестится, рискует попасть в большее зло. Это объединение добра и зла необъяснимо – честный, хороший вдруг в неприятном, в безвыходном положении. Его даже убить могут, прекрасного, лучшего. Так – что же Бог-то думает? Тайна. Это – тайна. И когда человек эту тайну уразумел, ему уже не нужно “вот ты крестик повесь, маслица помажь”... Может быть, может быть, конечно, есть таинства, которые облегчают положение. Но если – миропомазание, и человек заболел

и умер? Я не удивлюсь – значит так и должно быть. Значит, это Божья воля такая.

А так, без веры – вульгарный оптимизм и рационализм. Конечно, помолишься – утешись, болезнь пройдет. А если нет, если болезнь хуже, если ты помрешь – то да будет воля Твоя! Тайна не исследуемая и невыразимая!

Вот поэтому, излагая нудную, скучную метафизику, претендующую на абсолютность (крепкое, божественное устройство мира) – я считаю, что тут же заложена и вся относительность. Небо, конечно, движется на века. Этот бог, по крайней мере нижний, но даже этот бог движется всем движением небесного свода. – Но если в одну секунду окажется, что этого свода нету, какой-то один момент, и весь этот небесный свод выпал, взорвался, поломался, исчез – я не удивлюсь. Потому что я верующий. А если бы я был язычник – то да, конечно, сказал бы я, здесь у нас на земле хаос, но зато неподвижные звезды все движутся постоянно, вечно, неизменно и т. д. С христианской точки зрения это относительно, но язычество – это абсолютизация всего мира. Ну что ж, пусть Платон и Аристотель верят, что это устройство нерушимо – пусть верят. Но если вдруг случится катастрофа, то они не знают, куда деваться – но я скажу: свершилась тайна Божия; так должно быть» [2].

По мне так у современных астрофизиков (космологов) фантазии еще более изощренные, чем у меня. Какие, спрашивается, рациональные основания лежат в основании теорий «расширяющейся вселенной» и «большого взрыва»? Законы физики? Не только, космологи опираются еще, на мой взгляд, на не менее фантастические гипотезы о разбегании галактик и взрыве сверхплотной материи (кто взорвал ее, с какой целью? а если никто, то, что за странный механизм: то взрывается и разбегаются, то собираются в сверхплотную материю, чтобы снова взорваться?). Моей фантазии далеко до фантазий современных космологов. Чтобы не быть голословным, кратко перескажу исследование истории космологических учений доктора философских наук Вадима Казютинского [3].

Спрашивается, к какому типу наук нужно отнести космологию? На первый взгляд, кажется, что тут нечего думать: космология, безусловно, естественная наука, она из-

учает явление первой природы – Вселенную, причем физическими методами. «Согласно определению А.Л.Зельманова, – пишет В.Казютинский, – космология – это «физическое учение о Вселенной как целом, включающее в себя теорию всего охваченного астрономическими наблюдениями мира, как части Вселенной» [3, с. 10]. Точно также считает и сам Казютинский, который говорит, что «при всем своеобразии объекта космологии он все же представляет собой физический объект» [3, с. 32].

А своеобразие, действительно, большое. Во-первых, это объект по определению («мир как целое», мир в единственном числе [3, с. 10]) уникален, поэтому его вроде бы нужно отнести к гуманитарной науке, где изучаются такие феномены. Во-вторых, как отмечает Казютинский, «никакими эмпирическими средствами этот объект не выделен, в теории он задается экстраполяцией» [3, с. 11]. Какой же это тогда объект естествознания; по отношению к Вселенной, следовательно, невозможно провести измерения и поставить решающий эксперимент (что мы должны измерять, с чем манипулировать в эксперименте, если границы объекта неопределенны, не говоря уже о самой неподъемности таких операций)? Опять получается другой тип познания.

В-третьих, Вселенная всегда интересовала человека не только как объект познания и первая природа, а как место и лоно обитания человека, как сущность, определяющая смысл его бытия. Не случайно у Платона и Аристотеля небо – это и Космос (природа) и Демиург (божество), дающие жизнь всему. Однако когда это было, может возразить читатель. Но вот что поразительно, завершив цикл чисто физического понимания и объяснения Вселенной, сегодня космологи возвращаются к воззрениям, сравнимыми с античными. Вводится «антропный принцип» (Б.Картор), в соответствии с которым, «то, что мы ожидаем наблюдать должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей» [3, с. 49]. В-четвертых, выяснилось, что нет одной правильной теории Вселенной, зато построены и конкурируют между собой множество теоретических объяснений этого объекта. «Предложенная интерпретация Вселенной как целого находится в согласии с идеей множественности онтологических миров...Оправдалась основная идея автора – понятие Вселенной как целого действительно

Художественная культура и творчество

релятивно, а не относится к какому-то раз навсегда заданному физической абсолюту» [3, с. 13]. Иначе говоря, это понятие относится к гуманитарной науке?

«В начале XX века, – пишет Казютинский, – научное сообщество буквально потрясли релятивистская и квантовая революция» [3, с. 19]. Общая теория относительности (ОТО) «нуждалась в экспансии на те явления и объекты, в которых ее предсказания могли бы оказаться наиболее заметными. Вселенная как целое была наиболее впечатляющим объектом этого типа, и стремление экстраполировать на нее ОТО было совершенно естественным...Как отмечает сам А.А.Фридман, им была предпринята попытка «создать общую картину мира, правда, мира чрезвычайно схематизированного и упрощенного...на основе принципа относительности» [3, с. 22]. Так была создана третья фундаментальная трактовка Вселенной – «фридмановская теория расширяющейся Вселенной», причем в двух вариантах (монотонно расширяющаяся и осцилирующая). Опять же, «расширяющаяся Вселенная» представляет собой идеальный объект, построенный хотя и в рамках естественно-научного идеала, однако, теории не классической, а релятивистской.

Реализуя идеал естественной науки, Фридман ставил задачу, получить эмпирическое подтверждение своей концепции. «Отмечая «крайнюю шаткость и ненадежность» известных в его время данных о крупномасштабных свойствах Вселенной и не зная об открытии (примерно за 10 до того. – В.Р.) красного смещения в спектрах галактик, А.А.Фридман высказывался все же оптимистически: «в этих обстоятельствах нельзя не видеть лишь затруднений временных; наши потомки, без сомнения, узнают характер Вселенной, в которой мы обречены жить» [3, с. С. 22]. Открытие Э.Хабблом красного смещения и, главное, его истолкование как эффект «разбегания галактик» способствовало постепенному принятию фридмановской концепции. Но единственное ли было истолкование красного смещения как разбегания галактик? Нет.

А.Белопольский, например, объяснял его «старением фотонов», многие противники фридмановской теории именно красное смещение, хорошо объясняемое этой теорией, рассматривали как раз как свидетельство ее ложности. Смущало и разные измерения красного смещения (постоянная Хаббла у разных авторов различается в десять раз) и

открытие в космосе явлений, необъяснимых в этой теории («например, недавно была обнаружена гамма-вспышка, по своей мощности уступающая только Большому взрыву» [3, с. 27]). Ну, а по части противоречий и теоретических проблем фридмановская теория не уступала классической ньютоновской теории вселенной.

Особенно была нетерпима «проблема сингулярности», в соответствие с которой, двигаясь назад к началу разбегания галактик, мы приходим в нулевую точку, где многие физические параметры (масса вещества, радиусы частиц и прочее) приобретают бесконечные или нулевые значения, теряя тем самым физический смысл. Возникает и такой принципиальный вопрос, что было «до» сингулярности. Ряд исследователей «осторожно высказывались в том смысле, что на этот вопрос в настоящее время нет разумного физического ответа» [3, с. 34]. Если его нет в физической реальности, то, возможно, эту проблему можно разрешить в рамках гуманитарной науки? А как еще можно истолковать ответы, даваемые многими космологами: вопрос этот бессмысленный, ибо время, как считал еще Августин, «должно было возникнуть вместе со Вселенной» [3, с. 34]. Кстати, в гуманитарной науке выбор исходных представлений (в данном случае ОТО) и интерпретация наблюдаемых явлений, а также следствий, проистекающих из теории, зависят только от одного – личности ученого, его ценностей и видения.

Одним из вариантов фридмановской концепции Вселенной выступила теория Г.А. Гамова («горячей вселенной» или «Большого взрыва»), которая казалось бы получила прямое экспериментальное подтверждение в факте открытого в 1965 году остаточного реликтового излучения, предсказанного Гамовым (из его теории «вытекало существование в современной Вселенной микроволнового фона излучения с очень низкой температурой – около 5° К) [3, с. 35]. По сути, это очередной вариант идеального объекта. Реликтовое излучение, замечает Казютинский, в принципе может быть включено в разные теоретические контексты и по-разному объяснено, но для теории горячей Вселенной оно выглядело «естественным», а для других «натянутым». Его открытие, конечно, «не обладало никакой логической принудительностью», а было скорее «сильнейшим психологическим эффектом, предопределившим почти мгновенный выбор одной из конкурирующих между собой теорий» [3, с. 39].

Но не говорит ли это, напротив, о том, что выбор той или иной космологической теории – занятие чисто гуманитарное, имеющее малое отношение к ее эмпирической валидности?

Что же у космологов получается в таком случае: в рамках солнечной системы мы имеем дело с физической реальностью (можем даже реально долететь до любой планеты и обследовать ее), а за пределами солнечной

системы, или тем более нашей галактики, начинается реальность гуманитарная, где столько вселенных, сколько нам удастся построить правдоподобных объяснений. Множество вселенных – это вам не космогалы! О каких же твердых рациональных основаниях здесь идет речь?

Продолжение следует.

Библиография:

1. Аристотель Физика. М.; Л., 1934.
2. Бибахин В.В. Из рассказов А.Ф. Лосева <http://www.ccel.org/contrib/ru/Other/Bibikhin/BIB.HTM>
3. Казютинский В.М. Традиции и революция в современной астрономии. (Докторская диссертация). ИФ РАН. М., 1999.
4. Платон. Тимей. Собр. соч. в 4-х томах. Том 3. М.: «Мысль», 1994.
5. Розин В.М. Нашествие и гибель космогалов fondgp.ru/lib/mmk/74/Rozin_Kosmogualy.doc
6. Розин В.М. История «космогалов» (что это – личный миф, реальность, философско-художественный дискурс? // Культура и искусство. 2015. N 6.
7. Майданов А.С. Логика мифологического мышления // Философия и культура. – 2014. – 3. – С. 426 – 441. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.3.10620.

References (transliterated):

1. Aristotel' Fizika. M.; L., 1934.
2. Bibikhin V.V. Iz rasskazov A.F. Loseva <http://www.ccel.org/contrib/ru/Other/Bibikhin/BIB.HTM>
3. Kazjutinskii V.M. Traditsii i revolyutsiya v sovremennoi astronomii. (Doktorskaya dissertatsiya). IF RAN. M., 1999.
4. Platon. Timei. Sobr. soch. v 4-kh tomakh. Tom 3. M.: «Mysl'», 1994.
5. Rozin V.M. Nashestvie i gibel' kosmogualov fondgp.ru/lib/mmk/74/Rozin_Kosmogualy.doc
6. Rozin V.M. Istoriya «kosmogualov» (chto eto – lichnyi mif, real'nost', filosofsko-khudozhestvennyi diskur? // Kul'tura i iskusstvo. 2015. N 6.
7. Maidanov A.S. Logika mifologicheskogo myshleniya // Filosofiya i kul'tura. – 2014. – 3. – С. 426 – 441. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.3.10620.